Т. Ю. Толстиков

«Специфические условия Ленинграда требуют более строгого засекречивания некоторых сведений…»: цензурная политика в осажденном городе (1941–1944 годы)

Толстиков Тимофей Юрьевич
мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Введение

В исследовательской литературе и общественном мнении прочно закрепился тезис о том, что цензура традиционно являлась одним из важнейших элементов информационной и культурной политики советского государства. При этом в научном сообществе до сих пор не выработано общего понимания того, что такое цензура и цензурная политика. Существуют различные трактовки этого сложного термина, большинство из которых сводится к идее ограничения «чужого текста» и, как следствие, утверждения «своего»[1]. В 1990–2010-е годы, после отмены ряда идеологических запретов и начала рассекречивания архивных источников, российские историки подготовили несколько крупных работ, посвященных цензурной политике в СССР[2].

В большинстве исследований рассматривается деятельность Управления уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлита), реже Главного репертуарного комитета (Главреперткома) и их отделений. Безусловно, эти органы напрямую осуществляли цензуру, но зачастую схожую роль играли и редакторы газет, и военные цензоры. Кроме того, партийные руководители, курировавшие вопросы пропаганды и агитации, диктовали свои рекомендации, касающиеся освещения тех или иных вопросов в новостных сводках, периодической печати и произведениях искусства. Советская система оказывала значительное влияние на общество, что также порождало различные формы самоцензуры.

© Т. Ю. Толстиков, 2025

https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.208

Таким образом, цензурная политика в СССР — это многогранный феномен, бóльшая часть проявлений которого остается малоисследованной.

Переплетение цензурных функций различных организаций в особенности характерно и для периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда влияние и полномочия работников системы военной цензуры значительно увеличились, а связь Главлита с рядом регионов стала менее стабильной. В новейшей историографии появились публикации, освещающие работу городских, областных и республиканских цензурных органов во время войны. В частности, в 2010-е годы было проведено несколько конференций, изданы сборники материалов об истории книги и цензуры в России памяти А. В. Блюма (материалов Блюмовских чтений). Участники конференций осветили положение цензуры в УССР, БССР, Калининской, Курской и Молотовской областях в 1941–1945 гг.[3] Также в 2010–2020-е годы были опубликованы подобные исследования на материалах Новосибирской и Владимирской областей, Краснодарского края[4]. Вместе с тем на данный момент почти не изучена деятельность цензоров в Москве, Ленинграде, кавказских и среднеазиатских республиках и ряде других регионов СССР.

В Ленинграде в условиях блокады произошли особые изменения в системе цензурирования, что, на наш взгляд, недостаточно освещено в научной литературе. Впервые этот вопрос был косвенно затронут в 1990–2000-х годах в работах А. П. Крюковских, А. В. Блюма, Г. Л. Соболева[5]. Единственная тематическая публикация по истории цензуры в осажденном Ленинграде написана специалистом по истории блокадного детства Л. Л. Газиевой[6]. В указанной статье впервые представлены сведения о работе Ленинградского областного и городского управления по делам литературы и издательств (далее — Леноблгорлит), проанализирован ряд документов из фонда Главлита в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 9425). Ввиду краткости заметки в ней освещены лишь отдельные примеры деятельности Леноблгорлита, в то время как вопросы взаимодействия его сотрудников с партийными работниками и Главлитом, цензурная политика городского руководства и ряд других тем в тексте почти не затронуты. Более того, по мнению автора, деятельность горлита в Ленинграде в 1941–1944 гг. «ничем особенно не отличалась от других прифронтовых, да и тыловых регионов страны»[7]. Также работа ленинградских цензоров в годы войны кратко рассмотрена в одном из параграфов кандидатской диссертации Ф. К. Ярмолича, посвященной цензуре на Северо-Западе СССР в 1922–1964 гг.[8]

В то же время в архивах Санкт-Петербурга сохранилось множество документов по этому вопросу. В частности, в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга находится фонд Леноблгорлита (ЦГАЛИ СПб. Ф. 359), в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга — фонд парторганизации ленинградских цензоров (ЦГАИПД СПб. Ф. 1669). Также многочисленные источники, касающиеся взаимодействия горлита с партийным органами, отложились в фондах Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. 24 и 25). Анализ указанных материалов позволяет исследовать специфику блокадной цензуры и рассмотреть различные аспекты деятельности Леноблгорлита.

Организация цензуры в Ленинграде: общая характеристика

К 1941 г., после ряда преобразований, внутренняя организация ленинградской цензуры выглядела следующим образом: Леноблгорлит являлся отделением Главлита и выполнял распоряжения его руководства. Кроме того, на региональном уровне он номинально подчинялся исполнительным комитетам Ленинградского городского и областного Советов депутатов трудящихся. Однако куда большее влияние на работу Леноблгорлита оказывали формально не контролирующие данный орган работники городского и областного комитетов ВКП(б), о чем пойдет речь далее. Также в Ленинградском военном округе (и впоследствии на Ленинградском фронте) действовали военные цензоры, основными задачами которых были организация контроля за армейской прессой и перлюстрация переписки; на городскую печать они оказывали опосредованное влияние, поэтому их деятельность не будет рассмотрена в данной статье; также не будет освещена работа районных уполномоченных облгорлита в Ленинградской области, поскольку в период блокады они были фактически оторваны от системы городской цензуры и работали в хаотичном режиме, требующем отдельного изучения. Цель настоящей статьи — анализ цензурной политики партийных органов и деятельности Леноблгорлита в специфических условиях блокады.

Основной задачей рассматриваемого управления было осуществление предварительной и последующей цензуры на территории Ленинграда и Ленинградской области. Сотрудники Леноблгорлита просматривали всю подготовленную к публикации печатную продукцию (в том числе билеты, карточки, бланки документов и пр.), а также тексты радиопередач. Если в тексте обнаруживались сведения, составляющие государственную и военную тайну или содержащие «политически неправильную» информацию, то цензоры делали «вычерк» части текста. Список запрещенных к распространению данных был представлен в постоянно пополнявшемся перечне Главлита. В отчетах 1940-х годов цензоры подразделяли «вычерки» на несколько видов: военная тайна (сведения о личном составе Красной армии, дислокации воинских частей, тактико-технические данные вооружения, информация о работе оборонных заводов), экономические вопросы (данные о расположении промышленных предприятий, видах выпускаемой продукции, именах руководителей заводов и фабрик), политико-идеологические вопросы (расходящиеся с официальной точкой зрения суждения о международных отношениях, ходе боевых действий, работе регионального и центрального руководства, информация о бедственном положении гражданского населения, участии в боевых действиях женщин и детей и пр.)[9]. Отчеты об основных «вычерках» с относительной регулярностью отправлялись руководством Леноблгорлита в Главлит, областной и городской комитеты ВКП(б). Эти документы являются ценными источниками для определения динамики и конкретики «вычерков».

Этапы истории блокадной цензуры

Историю цензуры в осажденном Ленинграде можно подразделить на несколько этапов: июнь — сентябрь 1941 г. (начало войны), сентябрь 1941 — март 1942 г. (установление блокады, «смертная зима», разрыв связи с Главлитом), март 1942 — февраль 1943 г. (постепенное возрождение города, нормализация деятельности Леноблгорлита, восстановление контактов с центральным аппаратом), февраль 1943 — январь 1944 г. (прорыв и снятие блокады, постепенное возвращение к общесоюзным принципам цензурирования).

В июне — сентябре 1941 г. в деятельности Леноблгорлита произошли значительные перемены: более 50 из 170 штатных сотрудников ушли в ряды Красной армии; оставшихся в городе цензоров стали привлекать к различным оборонным мероприятиям[10]. Состав печатной продукции, выпускаемой в Ленинграде, изменился: увеличилось количество плакатов и листовок, сократились тиражи книг и журналов; вследствие этого работа цензуры была перестроена[11]. В этот период руководство Главлита ужесточает цензурную политику в особенности в отношении военных и экономических сведений и вносит изменения в перечень запрещенной информации, что отражается на работе всех региональных отделений, в том числе Леноблгорлита[12].

Более серьезным испытанием для ленинградских цензоров стали чрезвычайные условия блокады города, которая была установлена немецкими войсками в сентябре 1941 г. С этого момента Ленинград оказался в особом положении оторванности от остальной страны, система взаимодействия с центральным руководством была нарушена, что привело к увеличению самостоятельности городских управленцев. У Леноблгорлита, как отмечалось в отчете начальника организации В. Г. Артамонова, «ни письменной, ни живой связи с Главлитом за отчетный квартал не было. Приказы начальника Главлита и другие директивы, изданные в ноябре — декабре — январе [1941–1942 гг.], были получены только в марте — апреле [1942 г.]». В связи с этим «особенно тесной» стала связь с Ленинградским горкомом ВКП(б), который, по сути, стал определять цензурную политику в критических условиях блокады[13]. Это обстоятельство привело к формированию специфических особенностей ленинградской цензуры, что будет более подробно освещено далее.

«Смертная зима» 1941–1942 гг. стала наиболее тяжелым периодом для Ленинграда в целом и Леноблгорлита в частности. Практически все издательства, типографии, редакции газет, книготоргующие сети прекратили свою работу[14]. Исключением была лишь деятельность типографии № 1 им. Володарского, регулярно печатавшей номера «Ленинградской правды». Вся работа сотрудников Леноблгорлита сводилась к контролированию этой газеты и, реже, комсомольской газеты «Смена» и газеты Октябрьской железной дороги «Сталинец»[15]. Цензоры, как и все население города, работали в тяжелейших материальных условиях[16], в январе — феврале 1942 г. 80–90 % из них были нетрудоспособны[17]. Однако Леноблгорлит не прекратил работу и цензура над всей печатной продукцией продолжала осуществляться.

Весной — летом 1942 г. произошла относительная нормализация в работе и повседневной жизни ленинградских цензоров. В феврале — марте весь персонал горлита прошел через двух-/четырехнедельные стационары и был прикреплен к столовым усиленного питания[18]. Количество цензурируемых периодических изданий выросло до восьми, увеличился объем выпускаемой литературы[19]. Контакты Леноблгорлита с Главлитом были возобновлены, но эта связь оставалась осложненной и нерегулярной, корреспонденция из Москвы доставлялась ленинградским цензорам спустя два-три месяца после отправки[20].

В июле 1942 г. начальник Леноблгорлита отправил в Москву отчет о деятельности ленинградских цензоров в первом квартале 1942 г.[21] В документе отмечалось, что, несмотря на все материальные трудности, Леноблгорлит не прекратил работы и не допустил случаев разглашения военной и государственной тайны. Через месяц Артамонов получил ответ начальника отдела последующей цензуры Конюшей. Она отметила высокий уровень организации цензуры и завершила письмо так: «Ваша работа будет расцениваться как одна из лучших. <…> Держите и впредь, товарищи, высоко знамя советской цензуры. Охраняйте и впредь от коварного врага военные тайны. С нашей стороны заверяем Вас, все, что будет возможно, мы сделаем для того, чтобы Вам помочь»[22].

В дальнейшем деятельность Леноблгорлита проходила в устоявшемся регулярном формате, который отличался от довоенного режима работы лишь кадровым кризисом, обстановкой повышенной секретности и осложнением связи с центральным руководством. Вплоть до окончательного снятия блокады в 1944 г. эти проблемы не теряли своей актуальности.

Цензурная политика партийного руководства Ленинграда

В довоенный период Леноблгорлит фактически подчинялся Главлиту и Ленинградским горкому и обкому ВКП(б). Естественно, в условиях блокады и временного прекращения контактов с центральными органами влияние партийного руководства на цензуру значительно возросло. В. Г. Артамонов отмечал в отчете: «Леноблгорлит в своей работе руководствовался уже имеющимися директивами [Главлита]… а также указаниями местных партийных, советских и военных органов. Особенно тесной была связь с городским комитетом партии. <…> Горком давал конкретные указания, которыми цензура и руководствовалась в своей практической работе»[23].

Во время войны руководители Ленинграда стремились сконструировать особый образ осажденного города-героя, население которого превозмогает все трудности и одерживает победу над врагом. Для этого в СМИ и произведениях культуры при описании жизни и деятельности горожан, солдат и управленцев применялись различные методы героизации. В то же время «политически неправильные» вопросы, связанные с голодом, чрезвычайной смертностью, условиями жизни населения, преступностью и др., сознательно не затрагивались. В этой ситуации Леноблгорлит выступал одним из важнейших проводников политики репрезентации образа осажденного Ленинграда, реализуемой партийным руководством.

В частности, в отчете 1944 г. отмечалось: «[Начальством горлита] длительное время запрещались к опубликованию всякие сведения о материально-бытовых и продовольственных трудностях города в 1941–42 гг. <...> Этот вопрос был согласован с Отделом агитации и пропаганды обкома и горкома ВКП(б)»[24]. В марте 1942 г. О. Ф. Берггольц в дневниковых записях назвала сложившуюся ситуацию «заговором молчания вокруг Ленинграда», в условиях которого «не говорят правду... не говорят о голоде, а без этого нет никакой “героики”»[25]. Отношение ленинградских цензоров к «политически неправильным» вопросам зачастую было более строгим, чем у их коллег в Москве и других городах. Один из ярких примеров — история публикации поэмы З. К. Шишовой «Блокада», написанной в первой половине 1942 г. Это произведение отличалось патриотическим настроем и уверенностью в скорой победе Красной армии, но вместе с тем содержало несколько подробных описаний повседневной жизни ленинградцев в условиях гуманитарной катастрофы. В июле 1942 г. сотрудники горлита запретили публиковать текст поэмы и зачитывать его на радио, однако спустя полгода благодаря поддержке А. А. Фадеева «Блокада» была опубликована в Москве в известном литературном журнале «Знамя», а затем вышла в свет отдельным изданием. Реакция московских цензоров оказалась намного более сдержанной — из поэмы было исключено лишь несколько строф с упоминаниями массовой смертности[26].

Берггольц, как и другие литераторы, не питала симпатий к цензорам, поскольку они «изуродовали» многие ее произведения[27]. На одном из собраний парторганизации Леноблгорлита сотрудники недоумевали и отмечали, что «в радиокомитете цензора рассматривают чуть ли не как врага», «вычерки» сопровождаются «иногда даже оскорблениями»[28]. Представители интеллигенции зачастую воспринимали (и по той же причине ненавидели) сотрудников горлита как основных ограничителей «чужих текстов». В то же время они были лишь инструментом в руках местных партийных работников, определявших цензурную политику, которая отличалась особой жесткостью в 1941–1942 гг.

Обстановка повышенной секретности

По ряду вопросов, связанных с ограничением военных и экономических сведений, Леноблгорлит также проводил более жесткую политику. Вследствие этого ленинградские цензоры вычеркивали ту информацию, запрещение которой не предусматривалось перечнем Главлита. Например, в 1942–1943 гг. ввиду усиления артобстрелов и бомбардировок стали ограничиваться «всякие сведения в печати, ориентирующие противника о месте и времени скопления людей», в частности новости о предстоящих спектаклях[29]. Из-за близости линии фронта в СМИ не разрешалось публиковать конкретную информацию об оставшихся в Ленинграде промышленных предприятиях, также запрещалось указывать в печати адреса различных городских учреждений[30]. Также ввиду особого военного значения Ладожской коммуникации цензоры препятствовали распространению любых сведений о местоположении причалов, пирсов, складов, составе перевозимых грузов. В различных текстах о частях Ленинградского

фронта запрещалось публиковать не только сведения о расположении соединений, но и указывать фамилии командиров[31].

Как правило, представители центрального аппарата не выступали против этих мер, большинство из которых действительно было продиктовано напряженной военной обстановкой. Кроме того, блокированный город жил в крайне ограниченном информационном пространстве, в котором особую роль играли слухи[32], поэтому работников СМИ обязывали особенно тщательно подходить к подбору информации. В отчете, составленном сотрудницей Главлита Каменской по результатам проверки деятельности Леноблгорлита в начале 1943 г., отмечалось: «Специфические условия Ленинграда требуют более строгого засекречивания некоторых сведений, которые могли бы быть пропущены в другом крайобллите»; при проверке не обнаружено «перегибов, именно исходя из условий Ленинграда»[33].

Важным показателем в работе цензоров были количество, состав и структура сделанных «вычерков»; отчеты о них составлялись Леноблгорлитом ежеквартально. В целом соотношение различных категорий ограничений в печати оставалось примерно одинаковым на всем протяжении войны. Более половины из них относилось к вопросам военной тайны (в основном данные о местоположении частей, артиллерийских обстрелах), около трети — к экономическим сведениям (адреса заводов, характер производства, номенклатура изделий), самой малочисленной традиционно была категория «политико-идеологических искажений». Например, в 1943 г. сотрудники Леноблгорлита произвели 1017 «вычерков», 507 из них относились к вопросам дислокации войск, 219 — к разделу оборонной промышленности и другим экономическим вопросам, 185 — к сведениям о бомбардировках и артобстрелах, 50 — к некорректным с политической точки зрения тезисам, около 50 — к иным вопросам[34].

Столь незначительное число ограничений по политико-идеологическим вопросам объясняется достаточно четким и устоявшимся кругом запретных тем, которые сознательно не затрагивались большинством авторов. Поэтому чаще всего в данную категорию «вычерков» попадали различные двусмысленные ошибки и опечатки («прекратить сопротивление немецко-итальянских войск в Советской Африке», «освободить нашу священную Советскую землю от гнусных Советских захватчиков»[35]). Иногда вполне патриотические тексты снимались цензорами из-за их некорректности. Так, в марте 1944 г. из радиопередачи фронтовой редакции были вычеркнуты рифмованные строки: «Я не буду подчиняться Гитлеру паршивому, запишуся в партизаны к Климу Ворошилову», поскольку «совершенно бестактно и политически неверно фамилию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Маршала Советского Союза рифмовать с таким словом»[36].

Редкие сознательные «политико-идеологические искажения», как правило, вымарывались из текстов ленинградских литераторов. В документах Леноблгорлита военного периода встречаются сведения о запрещении к публикации «явно пессимистических и политически вредных» стихов и рассказов О. Ф. Берггольц, В. К. Кетлинской, М. М. Зощенко[37]. «Вычерки» производились и из произведений В. А. Кочетова, И. К. Авраменко, Н. С. Тихонова и других ав-

торов, в текстах которых содержались секретные сведения о работе оборонной промышленности, планировании будущих операций, характеристиках советской военной техники[38].

Эффективность блокадной цензуры

Вопрос о результативности сложившейся в осажденном Ленинграде системы цензуры неоднозначен. Представители Главлита в целом положительно оценивали работу Леноблгорлита, но возможностей для контроля и анализа деятельности региональной организации было крайне мало. В период блокады единственным источником информации о положении цензуры в Ленинграде для центрального ведомства были уже упомянутые отчеты В. Г. Артамонова. В них, как правило, говорилось о том, что, несмотря на все материальные трудности, цензоры героически выполняют свои обязанности и не прекращают своей работы. Элементы самокритики в виде описания двух-трех ошибок рядовых сотрудников горлита были скорее символическими. Ответные письма представителей Главлита после получения этих отчетов чаще всего носили одобрительный характер.

В декабре 1942 г., согласно приказу начальника Главлита Н. Г. Садчикова, был создан новый способ сравнительного анализа и оценки работы региональных цензурных организаций — проведение социалистического соревнования и вручение Красного знамени Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати[39]. В соответствии с приказом, красное знамя каждые два месяца вручалось главкрайобллиту, добившемуся лучших показателей в работе. Критериями оценки были недопущение ни одного случая распространения военной и государственной тайны или политической ошибки в печати и на радио, а также отсутствие неправильных вмешательств (перегибов). Предполагались три призовых места: главкрайобллит, занявший первое место, получал знамя и премию 2500 руб., занявший второе место — 1650 руб., третье — 1250 руб.[40]

В первых соцсоревнованиях 1943 г. Леноблгорлит не принимал участие из-за еще сохранявшегося напряженного режима связи с Главлитом, невозможности своевременного составления большого количества отчетов о «вычерках» и отправки их в Москву[41]. Однако после прорыва блокады и восстановления полноценной связи с Главлитом такая возможность появилась. По итогам соцсоревнований цензоров в августе 1943 г. первое место занял Ленинград, второе — Москва, третье — Армянская ССР; в ноябре 1943 г. первое место занял Ленинград, второе — Азербайджанская ССР, третье — Москва; в январе 1944 г. первое место — Ленинград, второе — Москва, третье — Грузинская ССР[42]. В приказах о присвоении и сохранении красного знамени отмечалось: «Ленинградский облгорлит показывает пример, как, несмотря на тяжелые условия фронтовой обстановки, можно достичь высокого уровня»[43]. Таким образом, сложившиеся в блокадном Ленинграде практики цензурирования были не только неоднократно положительно оценены руководством Главлита, но даже признаны образцовыми.

Однако оценки деятельности Леноблгорлита местными партийными работниками были более критическими. В первые годы войны отношение городского руководства к цензорам было скорее благоприятным, но в начале 1943 г. ситуация изменилась. Первый номер журнала «Звезда» за 1943 г. был разрешен к печати и опубликован с двумя двусмысленными опечатками: вместо «Удар, нанесенный гитлеровцам под Ленинградом» значилось «Удар, нанесенный гитлеровцами под Ленинградом», вместо «железные груди русских бойцов» — «железные груды русских бойцов»[44]. Хотя основную вину за это упущение партийное руководство возложило на редакцию журнала, работа цензоров Леноблгорлита, пропустивших эти «грубые политические ошибки», отныне оказалась под более пристальным контролем.

В феврале была создана специальная комиссия горкома ВКП(б) для рассмотрения работы Леноблгорлита. С ее итоговым заключением цензоров ознакомил инструктор отдела пропаганды и агитации А. П. Гришкевич[45]. Он отметил, что комиссия признала работу горлита «в основном удовлетворительной», но почти все дальнейшее выступление состояло из перечисления недостатков. Главной проблемой цензуры, с точки зрения комиссии, было то, что «Леноблгорлит проводит недостаточно жесткую линию» и пропускает большое количество политических ошибок и сведений, составляющих государственную тайну[46]. Цензоры согласились с этими обвинениями и отметили, что главными проблемами в их работе являются «формальное, бездушное отношение к делу» и «отсутствие огонька в работе, любви к делу»[47].

После этого в марте — апреле 1943 г. бюро горкома ВКП(б) приняло несколько решений, в которых критиковалась деятельность Леноблгорлита и указывалось на необходимость «принять меры к усилению цензуры»[48]. Более того, первых секретарей райкомов ВКП(б) обязали изучать перечни и директивы Главлита и систематически контролировать цензоров горлита[49]. Вероятно, столь резкая реакция партийных работников объясняется тем, что литературный журнал «Звезда» был всесоюзным, а не городским изданием[50]. Распространение номеров журнала с такими ошибками могло вызвать у представителей центрального руководства подозрения в недостаточном контроле за деятельностью СМИ в городе. После этого, в 1944–1945 гг., крупных ошибок в работе Леноблгорлита уже не наблюдалось. Тем самым из-за появления в журнале двух опечаток партийные руководители ужесточили и без того радикальную цензурную политику и поставили деятельность горлита в еще более строгие рамки.

Заключение

Деятельность ленинградских цензоров в условиях блокады в целом вписывалась в общую политику Главлита, но иногда выходила за ее рамки. Из-за осложнения связи с центральным аппаратом и особого положения города-фронта в деятельности Леноблгорлита сформировались специфические черты. По сути, руководить цензурной политикой стали местные партийные работники, которые настаивали на более жестком и глубоком, чем в остальном СССР,

контроле печати. Двумя основными целями горкома ВКП(б) были максимальное ограничение каких-либо сведений, которыми мог воспользоваться противник, и запрещение практически любых материалов, плохо вписывавшихся в диктуемый ленинградским руководством героический образ блокированного города. Несмотря на многочисленные проблемы, вызванные условиями войны, Леноблгорлит стал эффективным инструментом реализации проводимой горкомом ВКП(б) политики. Сформировавшийся за годы блокады режим работы цензоров давал нужные руководству результаты и был признан образцовым для других городов прифронтовой полосы.

[1] *Зеленов М. В.* Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 97–98.

[2] *Блюм А. В.*: 1) Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000; 2) Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб., 2005; *Горяева Т. М.:* 1) Радио России. Партийно-государственный контроль радиовещания в 1920-е — начале 1930-х гг. М., 2000; 2) Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009; *Зеленов М. В.*: 1) Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука 1920-годы. Н. Новгород, 2000; 2) Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР 1917–1991 гг. и их правовое обеспечение // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1 (27). С. 143–159; 3) Эволюция правового положения Главлита, его структуры и штатов (1922–1967) // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 6. СПб., 2013. С. 463–514; *Ярмолич Ф. К.* Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2010; и др.

[3] *Гужаловский А. А.* Главлит БССР — инструмент информационного контроля белорусского общества в 1943–1991 гг. // История книги и цензуры в России: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. СПб., 2013. С. 196–219; *Осипова Е. А.* Политическая цензура в Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 193–196; *Романенко Т. В.* Советская цензура в средствах массовой информации Украинской ССР в годы Второй мировой войны // Там же. С. 189–193; *Бормотова А. Р.* Деятельность обллита и райлитов Курской области в рамках цензуры периодической печати в годы Великой Отечественной войны // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: мат-лы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. СПб., 2015. С. 268–272; *Куренков Г. А.* Переход цензуры на «военные рельсы». Главлит 22 июня 1941 г. — декабрь 1941 г. // Там же. С. 260–268; *Бормотова А. Р.* Восстановление системы советской цензуры на освобожденных от оккупации территориях в 1943–1945 гг. (по материалам Курской области) // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения: мат-лы IV междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. В. Блюма, 2 июня 2015 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. Н. Новгород, 2018. С. 265–272; *Дианов С. А.* Военные будни города Молотова: обллит на страже государственных тайн (1941–1945) // Там же. С. 230–249; *Куренков Г. А.* Деятельность Главлита по защите военной и государственной тайны в 1942 г. // Там же. С. 250–264; и др.

[4] *Гашенко В. А.* Военная цензура в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // ГЕО-Сибирь-2011. Т. 6: Геопространство в социальном дискурсе: прошлое, настоящее, будущее: сб. мат-лов VII Междунар. науч. конгресса «ГЕО-Сибирь-2011», 19–29 апреля 2011 г., Новосибирск. Новосибирск, 2011. С. 50–55; *Петровичева Е. М., Тряхов И. С.* Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Владимирского края) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 49–59; *Панченков С. А.* Советская цензура и ее влияние на гражданские СМИ Краснодарского края в 1941–1945 годах // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2024. № 1. С. 194–202.

[5] *Крюковских А. П.* Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. СПб., 1995. С. 70; *Блюм А. В.* Блокадная тема в цензурной блокаде // Нева. 2004. № 1. С. 238–245; *Соболев Г. Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.

[6] *Газиева Л.Л.* Военная цензура в осажденном Ленинграде // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 40–42.

[7] Там же. С. 42.

[8] *Ярмолич Ф.К.* Цензура на Северо-Западе…

[9] *Газиева Л.Л.* Военная цензура… С. 40.

[10] Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

[11] Там же. Л. 5.

[12] См. подробнее: *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. С. 284–290.

[13] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

[14] Очерки истории Ленинграда: в 7 т. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза / отв. ред. В.М. Ковальчук. Л., 1967. С. 580–582.

[15] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[16] Несмотря на неоднократные обращения В.Г. Артамонова в Продовольственную комиссию Военного совета Ленинградского фронта и Ленгорисполком, большинство цензоров снабжались по минимальным нормам служащих. См. подробнее: *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 14.

[17] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[18] Там же. Л. 4–5.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9425. Оп. 1. Д. 84. Л. 5.

[20] Там же. Л. 6.

[21] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–25.

[22] Там же. Л. 26.

[23] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

[24] Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

[25] *Берггольц О.Ф.* Мой дневник: в 3 т. Т. 3: 1941–1974 / отв. сост. А.П. Гаврилова, Н.А. Стрижкова. М., 2020. С. 161.

[26] См. подробнее: *Толстиков Т.Ю.* История публикации поэмы З.К. Шишовой в документах РГАЛИ и архивов Санкт-Петербурга // Отечественные архивы. 2024. № 1. С. 53–59.

[27] *Берггольц О.Ф.* Мой дневник. Т. 3. С. 54.

[28] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1669. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

[29] ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.

[30] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

[31] Там же. Л. 9.

[32] См. подробнее: *Пянкевич В.Л.* «Люди жили слухами»: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.

[33] ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.

[34] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

[35] Там же. Л. 12; *Газиева Л.Л.* Военная цензура… С. 41.

[36] ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 264. Л. 69.

[37] Там же. Д. 84. Л. 61; Д. 264. Л. 57.

[38] Там же. Д. 170. Л. 41; Д. 264. Л. 57–58.

[39] Там же. Д. 36. Л. 158.

[40] Там же. Л. 158–159.

[41] Там же. Д. 170. Л. 1.

[42] ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 3; Д. 8. Л. 2.

[43] Там же.

[44] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: сб. док. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. Ч. 3: Январь 1943 г. — январь 1944 г. СПб., 2022. С. 331–332.

[45] ЦГАИПД СПб. Ф. 1669. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–6 об.

[46] Там же. Л. 5.

[47] Там же. Л. 5 об.

[48] Блокада в решениях... Ч. 3. С. 330–332, 335–336, 340, 1152.

[49] Там же. С. 1152.

[50] В 1940-е годы при цензурировании фабрично-заводских газет и других изданий городского и районного уровней сотрудники Леноблгорлита также регулярно допускали ошибки, однако в качестве санкции за эти недочеты отдельным цензорам просто объявляли выговор.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2024 г.
Рекомендована к печати 15 января 2025 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Толстиков Т. Ю. «Специфические условия Ленинграда требуют более строгого засекречивания некоторых сведений...»: цензурная политика в осажденном городе (1941–1944 годы) // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 2. С. 372–385. https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.208

Аннотация: В статье на основе источников из фондов федеральных и региональных архивов рассматривается цензурная политика, проводившаяся в Ленинграде в специфических условиях блокады 1941–1944 гг. После разрыва связи Ленинградского областного и городского управления по делам литературы и издательств (Леноблгорлита) с Главлитом в сентябре 1941 г. городской комитет ВКП(б) стал оказывать решающее влияние на цензуру. Из-за близости линии фронта, кризисной ситуации в городском хозяйстве и замкнутости информационного пространства Ленинграда партийные руководители стремились ужесточить цензурную политику и давали соответствующие указания Леноблгорлиту. Это выразилось в ограничении публикации всех сведений, которые могли быть использованы противником (включая адреса городских учреждений и даты ближайших массовых мероприятий), и запрете на распространение «политически неправильной» информации о повседневной жизни ленинградцев в условиях гуманитарной катастрофы. Главлит не применял подобные радикальные меры в других регионах СССР, но санкционировал проводимую в Ленинграде цензурную политику. Более того, в 1943–1944 гг. Леноблгорлит несколько раз побеждал в социалистическом соревновании цензоров и завоевывал Красное знамя Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати, центральное руководство считало его работу образцовой. В то же время ленинградские партийные работники относились к цензорам более настороженно и неоднократно критиковали их за недостаточную жесткость. После прорыва и снятия блокады деятельность Леноблгорлита постепенно вернулась в довоенное русло, но особенности работы цензоров в рассматриваемый период оказали значительное влияние на формирование и распространение образа осажденного города в СМИ и произведениях культуры 1940-х годов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, цензура, пресса, Главлит, идеология, средства массовой информации.

Сведения об авторе: Толстиков Т. Ю. — мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); https://orcid.org/0009-0000-2452-7796, timofey.tolstikov@mail.ru

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Tolstikov T. Yu. '"The Specific Conditions of Leningrad Require Stricter Secrecy of Some Information": Censorship Policy in the Besieged City (1941–1944)', *Modern History of Russia*, vol. 15, no. 2, 2025, pp. 372–385. https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.208 (In Russian)

Abstract: Based on sources from the federal and regional archives, the article examines the censorship policy in Leningrad under the specific conditions of the siege (1941–1944). After the severance of communication between the Leningrad Regional and city Administration for Literature and Publishing Houses (Lenoblgorlit) and Glavlit in September 1941, the city Committee of the CPSU(b) began to exert a decisive influence on censorship. Due to the

proximity of the front line, the crisis situation in the urban economy and the isolation of the Leningrad information space, the leaders sought to tighten the censorship policy and gave appropriate instructions to the Lenoblgorlit. This resulted in the restriction of the publication of all information that could be used by the enemy (including addresses of city institutions and dates of upcoming mass events), and a ban on the dissemination of "politically incorrect" information about the daily life of Leningraders in a humanitarian disaster. Glavlit did not apply such drastic measures in other regions of the USSR, but sanctioned the censorship policy carried out in Leningrad. Moreover, in 1943–1944. Lenoblgorlit won the socialist censor competition several times and won the Red Banner of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for the Protection of Military Secrets in the press, the central leadership considered its work exemplary. At the same time, Leningrad party workers were more wary of the censors and repeatedly criticized them for their lack of rigidity. After the end of the siege, the activities of the Lenoblgorlit gradually returned to the pre-war course, but the peculiarities of the censors' work during the period under review had a significant impact on the formation and dissemination of the image of the besieged city in the media and cultural works of the 1940s.

Keywords: Great Patriotic War, siege of Leningrad, censorship, press, Glavlit, ideology, mass media.

Author: *Tolstikov T. Yu.* — Junior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); https://orcid.org/0009-0000-2452-7796, timofey.tolstikov@mail.ru

St. Petersburg Institute of History of of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

Bergholz O. F. *My diary.* In 3 vols, vol. 3, comp. by A. P. Gavrilova, N. A. Strizhkova (Moscow, 2020). (In Russian)
Blum A. V. 'The blockade theme in the censorship blockade', *Neva*, no. 1, 2004, pp. 238–245. (In Russian)
Blum A. V. *How it was done in Leningrad. Censorship during the years of thaw, stagnation and perestroika. 1953–1991* (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
Blum A. V. *Soviet censorship in the era of total terror. 1929–1953* (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
Bormotova A. R. 'Restoration of the Soviet censorship system in the territories liberated from occupation in 1943–1945 (based on materials from the Kursk region)', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Chetvertye Bliumovskie chteniia: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Arlena Viktorovicha Bliuma, 2 iiunia 2015 goda*, ed. by. M. V. Zelenov, pp. 265–272 (Nizhniy Novgorod, 2015). (In Russian)
Bormotova A. R. 'The activities of the obllit and the railites of the Kursk region in the framework of censorship of the periodical press during the Great Patriotic War', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Tret'i Bliumovskie chteniia: materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Bliuma, 27–28 maia 2014 goda*, ed. by. M. V. Zelenov, pp. 268–272 (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
Dianov S. A. 'Military everyday life of the city Molotov: obllit on guard of state secrets (1941–1945)', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Chetvertye Bliumovskie chteniia: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Arlena Viktorovicha Bliuma, 2 iiunia 2015 goda*, ed. by. M. V. Zelenov, pp. 230–249 (Nizhniy Novgorod, 2015). (In Russian)
Essays on the history of Leningrad, in 7 vols, vol. 5, *The period of the Great Patriotic War 1941–1945,* ed. by V. M. Kovalchuk (Leningrad, 1967). (In Russian)
Gashenko V. A. 'Military censorship in the Novosibirsk region during the Great Patriotic War', *GEO-Sibir'-2011*. Vol. 6: *Geoprostranstvo v sotsial'nom diskurse: proshloe, nastoiashchee, budushchee: sbornik materialov VII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa "GEO-Sibir'-2011", 19–29 aprelia 2011 g., Novosibirsk*, pp. 50–55. (Novosibirsk, 2011). (In Russian)
Gazieva L. L. 'Military censorship in besieged Leningrad', *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 10, 2013, pp. 40–42. (In Russian)
Goryaeva T. M. *Political censorship in USSR. 1917–1991* (Moscow, 2009). (In Russian)
Goryaeva T. M. *Radio of Russia. Party-State Control of Radio Broadcasting in the 1920s — early 1930s* (Moscow, 2000). (In Russian)
Guzhalovsky A. A. 'Glavlit of the BSSR — an instrument of information control of the Belarusian society in 1943–1991', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Blyuma, 29–30 maia 2012 goda*, pp. 196–219 (St. Petersburg, 2012). (In Russian)
Kryukovskikh A. P. 'Leningrad Party organization: The War years', *Leningradskaia epopeia*, pp. 48–81 (St. Petersburg, 1995). (In Russian)

Kurenkov G. A. 'The activities of the Glavlit for the protection of military and state secrets in 1942', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Chetvertye Bliumovskie chteniia: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Arlena Viktorovicha Bliuma, 2 iiunia 2015 goda*, ed. by. M. V. Zelenov, pp. 250–254 (Nizhniy Novgorod, 2015). (In Russian)

Kurenkov G. A. 'The transition of censorship to "military rails". Glavlit June 22, 1941 — December 1941', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Tret'i Bliumovskie chteniia: materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Bliuma, 27–28 maia 2014 goda*, ed. by. M. V. Zelenov, pp. 260–268 (St. Petersburg, 2015). (In Russian)

Osipova E. A. 'Political censorship in the Kalinin region during the Great Patriotic War', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Blyuma, 29–30 maia 2012 goda*, pp. 193–196 (St. Petersburg, 2012). (In Russian)

Panchenkov S. A. 'Soviet censorship and its impact on the civilian media of the Krasnodar Territory in 1941–1945', *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, no. 1, 2024, pp. 194–202. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_1_1_194 (In Russian)

Petrovicheva E. M., Tryakhov I. S. 'Censorship during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of the Vladimir Territory)', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 1, 2015, pp. 49–59. (In Russian)

Pyankevich V. L. *"People lived by rumors": The informal communicative space of besieged Leningrad* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)

Romanenko T. V. 'Soviet censorship in the mass media of the Ukrainian SSR during the Second World War', *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. V. Blyuma, 29–30 maia 2012 goda*, pp. 189–193 (St. Petersburg, 2012). (In Russian)

Sobolev G. L. 'Siege of Leningrad: The comprehension of Truth', *Modern History of Russia*, no. 2, 2012, pp. 72–87. (In Russian)

Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Food Commission of Leningrad Front Military Council in 1942', *Modern History of Russia*, no. 1, 2016, pp. 8–21. (In Russian)

The Blockade of Leningrad in the decisions of governing party authorities. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional committee bureau, secretariats of Leningrad city and regional committee bureau, transcripts of the meetings. Part 3: *January 1943 — January 1944*, ed. by K. A. Boldovsky (St. Petersburg, 2022). (In Russian)

Tolstikov T. Yu. 'The history of the publication of Z. K. Shishova's poem "Blockade" in the documents of the Russian State Archive of Literature and Art and archives of St. Petersburg', *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, 2024, pp. 53–59. (In Russian)

Yarmolich F. K. *Censorship in the North-West of the USSR. 1922–1964* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2010). (In Russian)

Zelenov M. V. 'Censorship: Approaches to the definition of the concept', *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*, no. 1, 2013 (31), pp. 94–103. (In Russian)

Zelenov M. V. 'Evolution of the legal status of the Glavlit, its structure and states (1922–1967)', *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov*, pp. 463–514 (St. Petersburg, 2013). (In Russian)

Zelenov M. V. 'Military and state secrets in the RSFSR and the USSR 1917–1991, their legal support', *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*, no. 1, 2012 (27), pp. 143–159. (In Russian)

Zelenov M. V. *Apparatus of the Central Committee of the RCP(b) — the CPSU(b), censorship and historical science in the 1920s* (Nizhny Novgorod, 2000). (In Russian)

Received: September 11, 2024
Accepted: January 15, 2025